

АРТЁМ ДРАБКИН

Я ДРАЛСЯ
НА ТАНКЕ

ФРОНТОВАЯ ПРАВДА ПОБЕДИТЕЛЕЙ
ПРОДОЛЖЕНИЕ БЕСТСЕЛЛЕРА «Я ДРАЛСЯ НА Т-34»

ПОМНИМ
ВСЁ

Артем Владимирович Драбкин
Я дрался на танке. Фронтовая
правда Победителей
Серия «Артем Драбкин.
Только бестселлеры!»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10855518

Артем Драбкин. Я дрался на танке. Фронтовая правда Победителей:

Яуза, Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-79995-4

Аннотация

Продолжение супербестселлера «Я дрался на Т-34», разошедшегося рекордными тиражами. Фронтовая правда Победителей, сломавших хребет Панцерваффе. Воспоминания танкистов Великой Отечественной, воевавших на самых разных машинах – от легких Т-37 и БТ до ленд-лизовских «Матильд» и «Шерманов», от легендарных «тридцатьчетверок» до тяжелых штурмовых ИСов.

Содержание

Лоза Дмитрий Федорович	5
Федюнин Иван Васильевич	38
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Артем Драбкин
Я дрался на танке.
Фронтовая правда
Победителей

© Драбкин А., 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Лоза Дмитрий Федорович

– Дмитрий Федорович, на каких американских танках вы воевали?

– На «Шерманах», мы их звали «Эмчи» – от М4. Сначала на них была короткая пушка, а потом стали приходиться с длинной пушкой и дульным тормозом. На лобовом листе у них была установлена подпорка для фиксации ствола во время марша. В общем, машина была хорошая, но, как у всякой машины, были свои плюсы и минусы. Когда мне говорят, вот, мол, плохой был танк, я отвечаю: извините! Так нельзя говорить. Плохой по отношению к какому?

— Дмитрий Федорович, у вас в части были только американские машины?

– Моя 6-я танковая армия воевала на Украине, в Румынии, в Венгрии, Чехословакии и Австрии. А потом нас перебросили на Дальний Восток, и мы воевали против Японии. Я коротко напомню, что армия состояла из двух корпусов: 5-го гвардейского танкового Сталинградского корпуса на наших Т-34 и 5-го механизированного корпуса, где я воевал. После Кишиневской операции наш корпус стал 9-м гвардейским. Каждый корпус состоял из четырех бригад: в нашем мехкорпусе было три мехбригады и одна танковая бригада, где я воевал, а в танковом корпусе было три танковые бри-

гады и одна мотострелковая. До 1943 года в этом корпусе были английские танки: «Матильды» и «Валентайны». А после 1943 года наши совсем отказались от этих танков, потому что очень большие недостатки у них были. В частности, на тонну веса приходилось где-то 12–14 л.с., а в то время считалось для хорошего танка иметь 18–20 л.с. Из этих трех танков лучшим был «Валентайн» канадского производства. Броня наклонная, а главное то, что на нем стояла 57-мм длинноствольная пушка. Так вот, с конца 1943 года мы перешли на американские «Шерманы».

– Но английские танки не изымали, они воевали до своего конца, то есть был период, когда ваш корпус имел смешанную матчасть – и английскую и американскую. Возникали ли дополнительные проблемы в связи с наличием такой широкой номенклатуры машин разных стран? Например, со снабжением, ремонтом?

– Ну, проблемы были всегда, тут сложно сказать. Вообще, «Матильда» – такой говеный танк, просто невероятно! Я хочу остановиться на одном недостатке «Матильды», который нам очень мешал. Какая-то дурная голова в Генштабе спланировала операцию, и наш корпус бросили под Ельню, Смоленск, Рославль. Там отвратительная местность – лесисто-болотистая. А у «Матильды» фальшборта, танк-то разрабатывался в основном для действий в пустыне. В пустыне хорошо – песок высыпается, а у нас грязь забивалась в ходо-

вую между гусеницей и фальшбортом. У «Матильды» коробка перемены передач (КПП) была с сервомеханизмом для легкости переключения передач. В наших условиях она оказалась слабой, постоянно перегревалась и выходила из строя. Англичанам хорошо, у них уже тогда, в 1943-м, был агрегатный ремонт, то есть сломалась КПП, ты четыре болта отвернул, коробку долой, новую поставил и поехал. А у нас так не всегда получалось. У меня в батальоне был старшина Нестеров, бывший колхозник-тракторист, в должности батальонного механика.

Вообще, в каждой роте был механик, а этот был для всего батальона. Еще у нас в корпусе был представитель английской фирмы, которая производила эти танки, вот фамилию забыл. Она была у меня записана, но, после того как меня подбили, все у меня в танке сгорело, и фотографии, и документы, и записная книжка. На фронте запрещалось вести записи, но я вел потихоньку. Так вот, представитель фирмы постоянно мешал нам ремонтировать отдельные узлы танка. Говорил: «Здесь заводская пломба, ковырять нельзя!» То есть выбрасывай агрегат и ставь новый. А нам что делать? Нам танк чинить надо. Нестеров у нас ремонтировал все эти коробки передач запросто. Представитель фирмы раз подошел к Нестерову: «Ты в каком университете учился?», а Нестеров отвечает: «В колхозном».

«Шерман» был гораздо лучше в этом плане. А вы знаете, что одним из конструкторов «Шермана» был русский инже-

нер Тимошенко? Это какой-то дальний родственник маршала С.К.Тимошенко.

Конечно, у «Шермана» были свои недостатки. Самым большим недостатком было высокое расположение центра тяжести, и танк часто опрокидывался на бок, как матрешка. Вот благодаря этому недостатку я, возможно, и остался жив. Воевали мы в Венгрии в декабре 1944 года. Веду я батальон, и на повороте мой механик-водитель ударил машину о пешеходный бордюр, и танк мой перевернулся. Конечно, мы покалечились, но остались живы. А остальные четыре моих танка прошли вперед, и там их подожгли.

– Дмитрий Федорович, у «Шермана» была резино-металлическая гусеница. Некоторые современные авторы указывают на это как на недостаток, по – сколько в бою резина могла выгореть, тогда гусеница разваливалась и танк останавливался. Что вы можете сказать по этому поводу?

– С одной стороны, такая гусеница – это большой плюс. Во-первых, у такой гусеницы срок службы вдвое больше обычной, стальной, гусеницы. Боюсь ошибиться, но, по-моему, срок службы траков Т-34 был 2500 километров. Срок службы траков у «Шермана» был свыше 5000 километров. Во-вторых, «Шерман» по шоссе идет как автомобиль, а наш Т-34 так гроыхает – его за черт знает сколько километров слышно! Что же было отрицательного? В моей книге есть

очерк, называется «Босоногие». Там я описал случай, произошедший с нами в августе 1944 года в Румынии во время Яссо-Кишиневской операции. Жара стояла страшная, где-то градусов 30. В сутки мы проходили до 100 километров по шоссе. Резиновые бандажы на катках разогревались настолько, что резина расплавлялась и отлетала метровыми ошметками. И недалеко от Бухареста наш корпус встал: резина облетела, катки стало заклинивать, шел ужасный скрежет, и в итоге мы остановились. Об этом было срочно доложено в Москву: шутка ли? Такое ЧП, весь корпус встал! Но новые катки нам привезли очень быстро, и мы три дня их меняли. Уж не знаю, где они смогли найти столько катков за такое короткое время? Еще один минус резиновой гусеницы: даже при небольшой гололедице танк становился как корова на льду. Тогда нам приходилось обвязывать гусеницы проволокой, цепями, забивать туда болты, чтоб хоть как-то можно было ездить. Но это было с первой партией танков. Увидев это, американский представитель сообщил об этом на фирму, и уже следующая партия танков пришла с дополнительным комплектом траков с грунтозацепами и шипами. Грунтозацепов было, по-моему, по семь штук на гусеницу, то есть всего 14 штук на танк. Они лежали в ящике ЗИП. Вообще у американцев работа была поставлена четко, всякий недостаток, что замечался, устранялся очень оперативно.

Еще один недостаток «Шермана» – конструкция люка механика-водителя. У «Шерманов» первых партий этот

люк, расположенный в крыше корпуса, просто откидывался вверх-вбок. Часто механик-водитель его открывал и высовывал голову, чтобы лучше видно было. Так у нас были случаи, когда при повороте башни пушкой задевали за этот люк и он, падая, сворачивал шею водителю. Один или два случая таких у нас было. Потом этот недостаток устранили. Теперь люк приподнимался и просто сдвигался в сторону, как на современных танках.

У «Шермана» ведущее колесо было спереди, то есть через весь танк шел карданный вал от двигателя к КПП. У тридцатьчетверки все это стояло рядом.

Еще один большой плюс у «Шермана» заключался в зарядке аккумуляторов. На нашей тридцатьчетверке для зарядки аккумулятора нужно было гонять двигатель на полную мощность, все 500 лошадей вводить. А у «Шермана» в боевом отделении стоял зарядный бензиновый движок, маленький, как мотоциклетный. Завел его – и он тебе зарядил аккумулятор. Для нас это было великое дело!

Уже после войны я долгое время искал ответ на один вопрос. Если загорался Т-34, то мы старались от него отбежать подальше, хотя это запрещалось. Боекомплект взрывался. Некоторое время, месяца полтора, я воевал на Т-34 под Смоленском. Подбили командира одной из рот нашего батальона. Экипаж выскочил из танка, но отбежать не смог, потому что немцы зажали их пулеметным огнем. Они залегли там, в гречиху, и в это время танк взорвался. К вечеру, ко-

гда бой затих, мы подошли к ним. Смотрю, он лежит, а кусок брони разmozжил ему голову. А вот «Шерман» сгорал, но снаряды не взрывались. Почему так?

Однажды на Украине был такой случай. Меня временно поставили на должность начальника артснабжения батальона. Подбили наш танк. Мы выпрыгнули из него, а немцы зажали нас плотным минометным огнем. Мы залезли под танк. А танк загорелся. Вот мы лежим, и некуда нам деться. А куда? В поле? Там чистое поле, немцы на высоте все простреливают из пулеметов и минометов. Лежим. Уже в спину жар печет: танк горит. Мы думаем, ну все! Сейчас бабахнет, и тут будет братская могила. Слышим, в башне бум-бум-бум! Ага, это бронебойные вышибает из гильз: они же унитарные были. Вот сейчас огонь доберется до осколочных и так ахнет! Но ничего не случилось. Почему так? Почему наши осколочные рвутся, а американские нет? Если кратко, то оказалось, что у американцев более чистое взрывчатое вещество, а у нас был какой-то компонент, увеличивавший силу взрыва в полтора раза, при этом увеличивая риск взрыва боеприпаса.

– Считается достоинством то, что «Шерман» изнутри был очень хорошо выкрашен. Так ли это?

– Хорошо – это не то слово! Прекрасно! Для нас тогда это было нечто. Как сейчас говорят – евроремонт! Это была какая-то евроквартира! Во-первых, прекрасно покрашено. Во-вторых, сиденья удобные, обтянуты были каким-то замеча-

тельным особым кожзаменителем. Если танк твой повредило, то стоило буквально на несколько минут оставить танк без присмотра, как пехота весь кожзаменитель обрезаала, потому что из него шили замечательные сапоги! Просто загля-
денье!

– Дмитрий Федорович, как вы относились к немцам? Как к фашистам и захватчикам или нет?

– Когда перед тобой с оружием в руках и когда стоит вопрос кто кого, то отношение было только одно. Враг. Как только немец бросил оружие или взяли его в плен, то отношение совсем другое. Я в Германии не был, я уже сказал, где я воевал. В Венгрии был такой случай. Была у нас немецкая трофейная «летучка». Мы колонной прорвались ночью к немцам в тыл. Едем по шоссе, а наша «летучка» отстала. А тут к нам пристроилась точно такая же «летучка» с немцами. Потом, через какое-то время, колонна остановилась. Я иду, проверяю колонну обычным порядком: «Все в порядке?» – все в порядке. Подхожу к последней машине, спрашиваю: «Саша, все в порядке?», а оттуда «Was?» Что такое? Немцы! Я сразу прыгнул в сторону и кричу: «Немцы!» Мы окружили их. Там был водитель и еще двое. Обезоружили их, а тут и наша «летучка» подкатывает. Я говорю: «Саша, где же ты был?», он отвечает: «А мы заблудились». – «Ну вот, – говорю, – тебе еще одна такая «летучка»!»

Так что, пока у него оружие – он мне враг, а безоружный,

он такой же человек.

– То есть не было такой ненависти?

– Нет, конечно. Мы же понимали, что они такие же люди, многие такие же подневольные.

– А как у вас складывались отношения с мирным населением?

– Когда в марте 1944 года 2-й Украинский фронт вышел на границу с Румынией, то мы остановились, и с марта до августа месяца фронт был стабильный. По законам военного времени все мирное население из прифронтовой полосы 100 километров должно быть выселено. А люди уже посадили огороды. А тут по радио им объявили о выселении, наутро подали транспорт. Молдаване со слезами хватаются за голову – как же так? Бросить хозяйство! А когда вернутся, что тут останется? Но эвакуировали их. Так что контакта с местным населением никакого не было. А тогда я еще был начальником артснабжения батальона. Командир бригады меня вызывает и говорит: «Лоза, ты крестьянин?» Я говорю: «Да, крестьянин». – «Ну а раз так, то назначаю тебя бригадиром! Чтобы все огороды были прополоты, все росло и так далее. И не дай бог, чтоб хоть один огурец сорвали!

Чтоб ничего не трогали. Если вам нужно, то сажайте для себя сами». Были организованы бригады, в моей бригаде было 25 человек. Все лето мы ухаживали за огородами, а осе-

нюю, когда войска ушли, то нам сказали пригласить председателя колхоза, представителей, и мы им все эти поля и огороды сдали по акту. Когда вернулась хозяйка того дома, где я жил, то сразу побежала на огород и... остолбенела. А там – и тыквы огромные, и помидоры, и арбузы. Она бегом вернулась, упала мне в ноги и стала целовать мои сапоги: «Сыночек! Так мы ж думали, что тут все пустое, разбитое. А оказалось, что у нас все есть, осталось только собрать!» Вот вам пример, как мы относились к своему населению.

В войну медицина работала хорошо, но был случай, за что медиков следовало бы просто повесить! Ребята, Румыния тогда была просто венерическая клоака во всей Европе! Там ходила поговорка: «Если есть 100 лей, то имей хоть королей!» Когда нам попадались в плен немцы, то у них у каждого в кармане было по несколько презервативов, штук по пять-десять. Наши политработники агитировали: «Вот видите! Это у них, чтоб насиловать наших женщин!» А немцы были поумней нас и понимали, что такое болезнь. А наши медики хоть бы предупредили про эти болезни! И хотя мы прошли сквозь Румынию быстро, вспышка венерических болезней у нас была страшная. Вообще в армии было два госпиталя: хирургический и ДЛР (для легко раненных). Так вынуждены были венерическое отделение открыть, хотя по штату это не было предусмотрено.

А вот как мы относились к венгерскому населению. Когда мы вошли в октябре 1944 года в Венгрию, мы увидели

практически пустые населенные пункты. Бывало, заходишь в дом, плита горит, на ней что-то варится, а ни одного человека в доме нет. Я помню, в каком-то городе, на стене дома висел гигантский транспарант, где нарисован русский солдат, грызущий ребенка. То есть они были так сильно запуганы, что там, где они могли убежать – убежали! Бросали все свое хозяйство. А потом, с течением времени, они стали понимать, что все это чушь и пропаганда, стали возвращаться.

Я помню, стояли мы в северной Венгрии, на границе с Чехословакией. Тогда я был уже начальником штаба батальона. Утром мне докладывают: тут одна мадьярка ночью ходит в сарай. А у нас в армии были контрразведчики. Смершевцы. Причем в танковых войсках смершевец был в каждом танковом батальоне, а в пехоте только начиная от полка и выше. Я говорю своему смершевцу, ну-ка, давай туда! Они в сарае пошуровали. Нашли молодую девушку, лет 18–19. Вытащили ее оттуда, а она уже вся в струпьях, простужена. Эта мадьярка в слезы, думала, сейчас мы эту девушку будем насиловать. «Дура, да никто ее и пальцем не тронет! Наоборот, мы ее вылечим». Отвели девушку в батальонный медпункт. Вылечили. Так она потом к нам постоянно ходила, больше времени у нас проводила, чем дома. Когда я через двадцать лет после войны оказался в Венгрии, то встретил ее. Такая красивая дивчина! Она уже замуж вышла, дети пошли.

– Получается, не было у вас эксцессов с местным на-

селением?

– Нет, не было. Вот один раз мне нужно было проехать куда-то в Венгрии. Взяли проводником одного мадьяра, чтобы не заблудиться – страна-то чужая. Сделал он свое дело, мы ему денег дали, консервов дали и отпустили.

– В вашей книге написано, что с января 1944 года в 233-й танковой бригаде «Шерманы» М4А2 были вооружены не короткими 75-мм, а длинноствольными 76-мм пушками. Для января 1944 года это слишком рано, такие танки появились позднее. Еще раз разъясните, какими пушками были вооружены «Шерманы» в 233-й ТБр?

– Не знаю, у нас «Шерманов» с короткоствольными пушками было мало. Очень мало. В основном – с длинноствольными пушками. Не только наша бригада воевала на «Шерманах», может, в других бригадах были? Где-то в корпусе я видел такие танки, но у нас были танки с длинной пушкой.

– Дмитрий Федорович, в каждом «Шермане», приходившем в СССР, было личное оружие для экипажа: автоматы Томпсона. Я читал, что это оружие уворовывалось тыловыми частями и до танкистов практически не доходило. Какое оружие было у вас: американское или советское?

– В каждом «Шермане» было два автомата Томпсона. Калибр 11,43 мм – здоровый такой патрон! Но автомат был

дрянной. Было у нас несколько случаев. Ребята на спор надевали на себя пару ватников, отходили, в них стреляли, и в ватниках эта пуля застревала. Вот такой был автомат го-венный. Вот немецкий автомат со складным прикладом мы любили за компактность. А «Томпсон» здоровый – в танке с ним не развернешься.

– На «Шерманах» стояли зенитные пулеметы. ими часто пользовались?

– Не знаю почему, но одна партия танков приходила с пулеметами, а другая – без них. Этот пулемет мы использовали и против самолетов, и против наземных целей. Против самолетов использовали нечасто, потому что немцы тоже не дураки были: бомбили либо с высоты, либо с крутого пике. Пулемет хорош был на 400–600 метров. А немцы бомбили, наверное, метров с 800 и выше. Он бомбу кинул и быстро ушел, попробуй его, собаку, сбей! Так что использовали, но не было это эффективно. Мы даже пушку использовали против самолетов: ставишь танк на склон холмика и стреляешь. Но общее впечатление – пулемет хороший. Эти пулеметы нам очень помогли в войне с Японией – против смертников. Стреляли так много, что пулеметы раскалялись и начинали плеваться. У меня до сих пор в голове сидит осколок от зенитного пулемета.

– В своей книге вы пишете о бое за Тыновку частей 5-

го мехкорпуса. Вы пишете, что бой был 26 января 1944 года. Тут товарищ раскопал немецкие карты, судя по которым 26 января 1944 года Тыновка находилась в советских руках. Кроме того, товарищ раскопал немецкое разведдонесение, основанное на допросе советского лейтенанта из истребительно-противотанкового дивизиона 359-й СД, который показал, что в Тыновке стоят советские Т-34 и американские средние танки, а также несколько КВ, закамуфлированных соломой. Товарищ спрашивает, не могла ли произойти ошибка с датой, он говорит, что неделей ранее Тыновка действительно была в немецких руках?

– Очень может быть. Ребята, там такая каша была! Обстановка менялась не по дням, а по часам. Мы окружили Корсунь-Шевченковскую группировку немцев, они стали прорываться, с внешнего кольца немцы тоже по нас ударили, чтоб помочь вырваться из кольца своим. Бои были такие тяжелые, что за одни сутки Тыновка несколько раз переходила из рук в руки.

– *Вы пишете, что 29 января 5-й мехкорпус продвигался на запад для поддержки частей 1-го Украинского фронта, сдерживавших немецкое контрнаступление. Через несколько дней мехкорпус оказался в районе Винограда. Следовательно, 1 февраля он оказался на пути основного удара немецких 16-й и 17-й танковых дивизий 3-*

го танкового корпуса. Этот удар наносился из района Русаковка – Новая Гребля на север и северо-восток. За несколько дней немцы овладели Виноградом, Тыновкой, форсировали реку Гнилой Тикич и достигли Антоновки. не могли бы вы описать роль мехкорпуса в развернувшемся сражении?

– Мы окружили немцев, замкнули котел, и нас тут же бросили на внешний фронт окружения. Погода была ужасная, днем непролазная грязь: спрыгнул с танка в грязь, так было легче вытащить тебя из сапог, чем твои сапоги из грязи. А ночью ударял морозец, и грязь смерзалась. Вот по такой грязи нас кинули на внешний фронт. Танков у нас оставалось очень мало, чтоб создать видимость силы, ночью мы зажгли фары на танках, автомашинах, двинулись вперед и всем корпусом встали в оборону. Немцы решили, что в оборону зарылось много наших войск. На самом деле корпус был укомплектован танками к тому моменту процентов на тридцать. Бои были настолько тяжелыми, что оружие раскалялось, порой пули даже оплавливались, ты стреляешь, а они плюхаются в грязь в сотне метров от тебя. Немцы рвались уже обезумевшие, им терять было нечего. Небольшими группами им все же удавалось прорываться.

– *Наносили ли немецкие самолеты ощутимый урон матчасти? Что вы можете сказать о «Хеншеле» HE-129?*

– Не всякий раз, но бывало. «Хеншель» не помню, может, и был такой. Иногда удавалось от бомб уворачиваться. Бомбу ведь видно, как она летит. Открывали люки, высовывали голову и говорили своему водителю, скажем: «Бомба рвется впереди». Но вообще были случаи, когда поджигали танки. Потери не превышали 3–5 танков на батальон. Часто поджигали один танк. Гораздо больше нам доставалось в населенных пунктах от фаустпатронников. В Венгрии, помню, я как-то до того устал, что сказал своему заместителю: веди батальон ты, а я посплю. И я заснул прямо в боевом отделении «Шермана». Под Бельцем нам сбрасывали боеприпасы с самолетов на парашютах. Мы взяли себе один парашют. Вот на нем я и уснул. Парашют из шелка, а в шелке вши не заводятся. И я так крепко уснул! И вдруг проснулся. Почему? От тишины проснулся. Что такое, почему тишина? Оказывается, налетели самолеты, сожгли два танка. Во время марша на танке много чего навалено, ящики, брезент. Вот и подожгли два танка. Батальон остановился, двигатели заглушили, и стало тихо. И я проснулся.

– *Запирали ли вы люки во время боев в городе?*

– Мы запирали люки обязательно. Я о таком приказе ничего не слышал. Вот у меня, когда я в Вену ворвался, нас забрасывали гранатами с верхних этажей зданий. Я приказал загнать все танки в арки домов и мостов. А свой танк вынужден был время от времени выводить на открытое место, чтоб

расправить штырьевую антенну и дать сеанс связи с командованием. Вот раз так получилось, что радист и механик-водитель возились внутри танка, а люк оставили открытым. И сверху кто-то бросил в люк гранату. И на спине у радиста она разорвалась. Оба погибли. Так что в городе мы люки закрывали обязательно.

– Основной поражающей силой кумулятивных боеприпасов, к которым относились и фаустпатроны, является высокое давление в танке, поражающее экипаж. Если люки держать приоткрытыми, то появлялся шанс уцелеть.

– Это верно, но люки мы все равно держали закрытыми. Может, в других частях было по-другому. Все же фаустники били в первую очередь по двигателю. Танк загорался, хочешь не хочешь – из танка выпрыгнешь. А тут они уже расстреливали экипаж из пулемета.

– Какой шанс выжить, если танк подбивают?

– 19 апреля 1945 года в Австрии меня подбили. «Тигр» прошел нас насквозь, снаряд прошел все боевое отделение и через двигатель. В танке было три офицера: я как комбат, командир роты Саша Ионов, у него танк уже подбили, и командир танка. Три офицера, механик-водитель и радист. Когда «Тигр» нас прошел, то погиб механик-водитель, мне разбило всю левую ногу, справа от меня Саша Ионов, ему пра-

вую ногу оторвало, командира танка ранило, внизу под ногами у меня сидел командир орудия Леша Ромашкин, ему обе ноги оторвало. Кстати, как раз незадолго перед этим боем мы как-то сидели, ужинали, и Леша сказал мне: «Если мне ноги оторвет, то я застрелюсь. Кому я буду нужен?» Он детдомовский, никого родных не было. И вот действительно судьба распорядилась. Вытащили Сашу, вытащили Лешу и стали помогать выбраться остальным. И в этот момент Леша застрелился.

А вообще обязательно одного-двух человек либо ранит, либо убьет. Смотря куда снаряд попадет.

– Получали ли солдаты и младший комсостав на руки какие-нибудь деньги? Зарплату, денежное пособие?

– По сравнению с регулярными, не гвардейскими частями, в гвардейских частях рядовой и сержантский состав до старшины включительно получали двойной оклад, а офицеры – полуторный. Например, мой командир роты получал 800 рублей. Когда я стал комбатом, то получал не то 1200 рублей, не то 1500 рублей. Не помню точно. В любом случае, на руки мы не все деньги получали. Все наши деньги хранились в полевом сберегательном банке, на твоём личном счету. Деньги можно было переслать семье. То есть в карманах деньги мы не носили, это государство делало разумно. Зачем тебе в бою деньги?

– *А что можно было купить на эти деньги?*

– Вот, например, когда мы были на формировании в Горьком, пошли мы на рынок с моим другом Колей Аверкиевым. Хороший парень, но погиб буквально в первых боях! Приходим, смотрим, один барыга продает хлеб. Держит одну буханку в руках, а в чемоданчике еще пара буханок. Коля спрашивает: «Сколько за буханку?», он отвечает: «Три косых». Коля не знал, что значит «косая», достает три рубля и протягивает. Тот говорит: «Ты что, очумел?» Коля оторопел: «Как что? Ты просил три косых, я тебе и даю три рубля!» Барыга говорит: «Три косых – это триста рублей!» Коля ему: «Ах ты, зараза! Ты тут спекулируешь, а мы за тебя на фронте кровь проливаем!» А мы, как офицеры, имели личное оружие. Коля достал свой пистолет. Барыга схватил три рубля и тут же ретировался.

Кроме денег, офицерам раз в месяц давали доппаек. В него входило 200 граммов масла, пачка галет, пачка печенья и, по-моему, сыр. Кстати, через пару дней после случая на рынке нам выдали доппаек. Разрезали мы буханку хлеба вдоль, намазали маслом и сверху сыр положили. Ох, как здорово получилось!

– *А какими продуктами вы получали доппаек: советскими или американскими?*

– Всякими, раз на раз не приходилось.

– Получали ли что-нибудь солдаты и младший командный состав за ранение? Деньги, продукты, отпуск, другие виды компенсации?

– Нет, ничего не полагалось.

– Какое вознаграждение полагалось за уничтоженный танк, пушки и пр.? Кто определял это, или существовали жесткие правила поощрения и награждения? При уничтожении танка противника награждался весь экипаж или только отдельные его члены?

– Деньги давались на экипаж и делились поровну между членами экипажа.

В Венгрии в середине 1944 года на одном из митингов мы решили, что все деньги, которые нам причитаются за подбитую технику, мы будем собирать в общий котел и потом отсылать семьям погибших наших товарищей. И вот уже после войны, работая в архиве, наткнулся на подписанные мною ведомости о передаче денег семьям наших друзей: три тысячи, пять тысяч и так далее.

В районе Балатона прорвались мы в тыл к немцам, и так получилось, что мы расстреляли немецкую танковую колонну, подбили 19 танков, из них 11 тяжелых. Много автомашин. Всего нам засчитали уничтоженных 29 боевых единиц техники. Мы получили за каждый подбитый танк 1000 рублей.

В нашей бригаде было очень много танкистов-москвичей,

поскольку наша бригада формировалась в Наро-Фоминске, и пополнение к нам прибыло из московских военкоматов. Поэтому когда уже после войны я пошел учиться в военную академию, то я старался, насколько возможно, встретиться с семьями погибших. Конечно, разговор был печальный, но он был так необходим им, ведь я тот человек, который знает, как погиб их сын, отец или брат. И часто рассказываю им, так и так, называю дату. И они вспоминают, а нам в тот день было не по себе. Вот мы деньги тогда получили. А иногда нам удавалось отослать не деньги, но посылки с трофеями.

– То есть подбитый танк зачислялся на личный счет каждого члена экипажа?

– Да.

– Кто следил за потерями противника?

– Штаб, командиры батальона и рот. Зампотех тоже следил. Кроме того, у нас были созданы группы эвакуации подбитых танков. Не путайте их с тыловыми частями! Группа обычно состояла из 3–5 человек с одним тягачом, командовал ими зампотех. Они шли за боевыми порядками, следили и за нашими, и за немецкими потерями и все записывали.

– Каким образом определялось, кто какой танк подбил или орудие уничтожил? Что происходило, если на один и тот же подбитый немецкий танк претендовало

сразу несколько экипажей?

– Такие случаи бывали, хотя и нечасто. Обычно, записывали обоим экипажам, делая приписку «совместно». В донесении указывали один подбитый танк. А деньги делились пополам: по 500 рублей каждому экипажу.

– Каковы были действия экипажа поврежденного в бою танка?

– Спасать танк, попытаться его отремонтировать. Если отремонтировать танк силами экипажа нельзя, то занимать оборону возле танка. Бросать танк категорически запрещалось. Я уже говорил, в каждом батальоне был смершовец, и не дай бог тебе бросить танк! У нас была пара таких случаев, хитрецы перед атакой ослабили гусеницу. И стоило механику танк резко рвануть, как гусеница слетала. Но наш смершовец это заметил, и их взяли. Конечно, явная трусость!

– Получается, что, если по халатности экипаж не натянул гусеницу, его могли обвинить в явной трусости?

– Да, могли. Надо следить за своим танком. А иначе можно было запросто попасть в штрафной батальон. Поэтому перед каждым боем в обязанности командиров танков и командира роты входила проверка натяжки гусениц.

– Случалось ли подбивать своих же?

– Ребята, на войне всякое случалось. Западнее Юхнова

произошел такой случай. Туда вышла наша бригада и остановилась в лесу. А километрах в трех впереди нас шел бой. Немцы захватили плацдарм у какой-то речки и стали его расширять. Наше корпусное командование приказало роте «Матильд» из соседней бригады контратаковать немцев. Танков у немцев там не было, плацдарм удалось ликвидировать, немцы отступили за реку. И вот возвращаются наши «Матильды» из боя. А чуть раньше, опасаясь прорыва немцев, наше командование выдвинуло и развернуло истребительно-противотанковый дивизион. Метрах в трехстах перед нами они развернулись и окопались. Наши артиллеристы не знали, что здесь есть наши танки, тем более иностранные, и поэтому, едва завидев «Матильды», они открыли по ним огонь. И подбили три или четыре танка. Остальные танки повернули и быстро скрылись. Командир дивизиона, артиллерист, взобрался на одну из подбитых машин, заглянул внутрь, а там ребята наши лежат, у одного вся грудь в ординах. Артиллерист за голову схватился.

Другой случай произошел, когда 1-й и 2-й Украинские фронты соединились в Звенигородке и замкнули кольцо окружения вокруг Корсунь-Шевченковской группировки немцев, с юга подошли тридцатьчетверки 5-й армии, а с севера подошли наши «Шерманы». наших ребят на тридцатьчетверках не предупредили, что тут «Шерманы», и они сожгли танк командира батальона Маслюкова Николая Николаевича, и сам он погиб.

– *Как за это наказывали?*

– Не знаю. Наверное, кого-то наказывали. Каждое дело расследовалось тыловыми структурами.

– *Как вы взаимодействовали с пехотой во время боя?*

– В танковой бригаде было положено по штату три танковых батальона по 21 танку в батальоне и батальон автоматчиков. В батальоне автоматчиков было три роты, то есть по роте каждому батальону. Трехбатальонный состав у нас был только в конце 1943-го – начале 1944-го. Все остальное время в бригаде было два танковых батальона. Наши автоматчики были нам как братья. Во время марша автоматчики сидят на наших танках. Они там греются, сушат вещи, спят. Мы пришли, где-то остановились. Танкисты пошли спать, а наши автоматчики охраняют нас и наши танки. Многие автоматчики с течением времени становились членами экипажей, вначале заряжающими, потом, может, радистами. Делились поровну трофеями: они с нами, а мы с ними. Поэтому им воевалось полегче, чем простой пехоте.

Во время боя они сидят на танках до начала обстрела. Как только немцы открывали огонь по нашим танкам, они ссыпались как горох и бежали позади танков, часто прикрываясь его броней от ружейно-пулеметного огня противника.

– *Получается, что у танков был ограничен маневр и*

скорость – а то свою пехоту раздавишь или она отстанет.

– Ничего подобного. Не оглядывались мы на них. Мы маневрировали, и они пусть за нами маневрируют. Тут проблем не было. Им же хуже будет, если нас подобьют, так что пусть они за нами бегают.

*– Ограничивалась ли скорость танка во время атаки?
Чем?*

– А как же! Надо же стрелять!

– Как вы стреляли, с коротких остановок или с ходу?

– По-всякому было. Если стреляешь с ходу, то скорость танка не более 12 км/ч. Но с ходу мы стреляли редко, только ради внесения паники в ряды противника. А в основном, конечно, стреляли с остановок. Выскочил на позицию, секундная остановка, выстрелил и дальше пошел.

– Что вы можете сказать о немецком «Тигре»?

– Тяжеленная машина! «Шерман» «Тигру» в лоб ничего не мог сделать, нужно было заставить его показать свой борт. Если мы в обороне, а немцы наступали, то у нас такая была тактика: на каждый «Тигр» отводилось два «Шермана». Первый «Шерман» бьет в гусеницу, перебивая ее. Тяжелая машина еще какое-то время ехала на одной гусенице, значит, разворачивалась. И в этот момент второй «Шерман» бил ему

в борт, причем старался попасть в бензобаки. Вот так и получалось: один немецкий танк был подбит двумя нашими, поэтому победу записывали обоим экипажам. У меня и рассказ такой есть «Охота с борзыми».

– У дульного тормоза есть один большой недостаток: при выстреле из такого орудия поднималось облако пыли, демаскировавшее позицию. С этим старались бороться; например, некоторые артиллеристы поливали перед пушкой землю. А вы что-нибудь предпринимали?

– А как же! Мы утаптывали землю, расстилали брезент. Но особенных проблем я не помню.

– Залепляло ли танковый прицел пылью, грязью, снегом?

– Особых сложностей не было. Снегом, конечно, залепляло, а пылью – нет. Прицел на «Шермане» не выступал, наоборот, был утоплен внутрь башни, поэтому хорошо защищался.

– Дмитрий Федорович, наши танкисты, воевавшие на английских «Черчиллях», в качестве недостатка указывали слабый обогрев зимой боевого отделения. Штатная электропечь была недостаточной мощности, поскольку не рассчитывалась на эксплуатацию в условиях русской зимы. А как дело обстояло на «Шермане»?

– У «Шермана» было два двигателя, соединенных муфтой. Это одновременно и плюс и минус. Бывали случаи, что в бою один из двигателей подбивали. Тогда из боевого отделения муфту можно было выключить и на одном двигателе худо-бедно уползти из боя. С другой стороны, над каждым из двигателей стояли мощные вентиляторы. Мы так говорили: «Откроешь рот – из задницы ветер». Какой, к черту, обогрев? Там такие сквозняки были! Грело разве что от двигателей, но я не скажу, чтоб тепло было. А вот когда останавливались, то сразу закрывали моторное отделение брезентом, и в танке становилось тепло на несколько часов, спали в танке. Американцы не зря давали нам меховые комбинезоны.

– Существовали ли нормы расхода боекомплекта на танк?

– А как же. Во-первых, идя в бой, мы брали с собой один боекомплект (БК). А при длительных рейдах брали еще один-два боекомплекта на броню. Вот, когда я врвался в Вену, мне командующий лично приказал взять два БК: один штатно внутрь, а другой – на броню. Кроме того, на каждый танк взять с собой по два ящика трофейного шоколада, а остальной провиант найдете сами, тогда это называлось «на бабушкином аттестате», т. е. на подножном корме. То есть если нам предстоял рейд куда-то далеко, в тыл, то мы отказывались от еды, от всего, вместо этого мы брали боеприпасы. У нас все автомашины были американские 3-тонные «Студе-

беккеры». В батальон боеприпасы как раз на них привозили.

Есть один момент, о котором я хочу сказать. У нас боеприпасы как хранили? В деревянных ящиках по несколько снарядов в толстом слое смазки. Вот сидишь ты и эту смазку часами счищаешь. А американские боеприпасы были укупорены в картонные пеналы-контейнеры по три штуки. Крышку у пенала открыл, снаряды чистые, блестят! Бери их и сразу расставляй в танке.

– Какие снаряды у вас были в танке?

– Бронебойные и осколочные. Других не было. Причем осколочных была примерно одна треть, а остальные – бронебойные.

– Вообще это зависело от танка, наверное. Скажем, на наших тяжелых танках ИС было наоборот.

– Правильно. Ноу ИС такая «дура» здоровая, что одного попадания было достаточно. Когда мы входили в Вену, придали нам батарею тяжелых ИСУ-152, три штуки. Они меня так сдерживали! Я на «Шермане» мог по шоссе до 70 км/ч ехать, а они еле шли. И вот был в Вене такой случай, я его в книге описал. Уже в городе немцы нас контратаковали несколькими «Пантерами». «Пантера» – танк тяжелый. Я приказал выдвинуть ИСУ и открыть огонь по немецким танкам: «Ну-ка, плюнь!» И он плюнул! А, надо сказать, улицы в Вене узкие, дома высокие, а посмотреть на бой ИСУ с

«Пантерой» хотелось многим, и они остались на улице. ИСУ как ахнула, «Пантеру» смешало с землей, башню оторвало, метров 400–500 дистанция была. Но в результате выстрела сверху посыпалось битое стекло. В Вене много окон с витражами было, и все это посыпалось на наши головы. И вот я себя по сей день казню, что недоглядел! Столько раненых оказалось! Хорошо еще, мы в шлемофонах были, но руки и плечи очень сильно порезало. Вот такой печальный был у меня опыт, первый раз я в городе воевал. Мы еще говорили: «Умный в город не пойдет, умный город обойдет». Но здесь у меня был четкий приказ ворваться в город.

– Вообще сильно Вену разрушили?

– Нет, не сильно. Ни в какое сравнение, скажем, с Варшавой. Моя основная задача была захватить центр Вены и банк. Мы там захватили восемнадцать тонн золота, это не считая всяких денег. Мне ребята говорили в шутку: «Ты бы хоть мешочек прихватил бы!» А я им: «Ребята, а сколько лет я бы ковырял пеньки за этот мешочек?»

– А как пополнялось топливо?

– В каждом батальоне было несколько цистерн-заправщиков. Перед боем танк обязательно надо было заправить. Если предстоял рейд или марш, то на танк устанавливали запасные топливные баки, а перед боем их сбрасывали. А заправщики шли в тылу батальона и нас заправляли. Причем

заправляли не сразу все заправщики, а по очереди. Сначала один заправщик опустошим, потом второй и так далее. Как заправщик опустошался, он сразу разворачивался и шел на заправку в бригаду. Вот на Украине нам приходилось буксировать танками эти заправщики, потому что распутица, грязь страшная была. В Румынии так случилось, что мы на танках прорвались к немцам в тыл, а они отрезали наши тылы. И мы делали коктейль: смешивали бензин с керосином, вот пропорции не помню. Танки на этом коктейле ехали, но двигатели перегревались.

– Были ли у вас в части «безлошадные» танкисты? Чем они занимались?

– Обязательно. Обычно одна треть от общего числа. Занимались всем. Помогали ремонтировать, помогали снабжать боеприпасами, топливо подвозить, несли всякую службу в общем.

– Были ли у вас в части камуфлированные машины?

– Какие-то были, но я их не запомнил. Всякие были. Вот зимой мы их красили в белый цвет в обязательном порядке либо мелом, либо краской.

– Требовалось ли разрешение на нанесение камуфляжа? Требовалось ли разрешение на нанесение всякого рода надписей на танк, типа «За Родину» и т. д.?

– Нет, разрешений никаких не требовалось. Это по желанию: хочешь – крась, не хочешь – не крась. По поводу надписей – по-моему, надо было согласовать надпись с политработником. Ведь это своего рода пропаганда, дело политическое.

– Вот у немцев камуфляж был распространен. Помогало это им?

– Да, помогало. Иногда здорово помогало!

– Тогда почему мы так не делали?

– Да от бедности. Не было у нас столько разных красок. Была вот защитного цвета, ей и красили. Ведь на танк о-го-го сколько краски нужно! Если удавалось раздобыть другие краски, то можно было и камуфляж нанести. Вообще других дел было много – и ремонт, и заправка, и так далее.

Немцы побогаче нас были. Они не только камуфляж, они наносили на тяжелые танки циммерит.

Кроме того, они навешивали на свои танки гусеничные траки. И знаете, довольно эффективно порой получалось! Снаряд ударял в трак и рикошетировал.

– Получал ли контузию экипаж при ударе снаряда о танк, даже если он не пробивал броню?

– Нельзя так говорить. Это смотря куда ударял. Скажем, если я в башне сидел слева и мне рядом с ухом ударит – то-

гда я удар услышу, но все равно не контузит. А если ударило куда-то в корпус, то я могу вообще не услышать. Было так несколько раз: выходим из боя. Смотрим – броня в нескольких местах вмята, как будто горячим ножом по маслу провели. А ударов я не слышал. Иногда механик снизу кричит: «Слева бьют!» Но огромного грохота не было. Конечно, может, если такое чудище, как ИСУ-152, врежет – услышишь! И башню вместе с головами снесет.

Хочу еще сказать, что броня у «Шермана» была вязкая. На нашем Т-34 бывали случаи, когда снаряд ударял, броню не пробивал, но экипаж оказывался раненым, потому что с внутренней стороны брони отламывались куски и поражали экипаж: руки, глаза. На «Шермане» такого не было ни разу.

– Кого вы считали наиболее опасным противником? Пушки? Танк? Самолет?

– До первого выстрела все опасное. Но вообще пушки самые опасные. Их очень трудно было различить и поразить. Артиллеристы их закапывали так, что ствол буквально по земле стелился, то есть ты видишь всего несколько сантиметров щитка. Пушка выстрелила: хорошо, если у нее дульный тормоз есть и пыль поднимется! А если зима или дождь прошел, как тогда заметить?

– Бывали случаи, что вы из танка не видите, откуда по вас стреляют, а ваши автоматчики видят. Каким

образом они могли навести вас на эту пушку?

– Иногда стучали в башню, кричали. Иногда начинали стрелять в этом направлении трассирующими пулями или пускали туда ракету из ракетницы. А потом, вы знаете, когда мы шли в атаку, командир часто выглядывал из башни. Все-таки ни перископ, ни командирская башенка не давали хорошей обзорности.

– Как вы поддерживали связь с вашим начальством и другими танками?

– По радио. В «Шермане» было две радиостанции – КВ и УКВ – очень хорошего качества. КВ использовалась для связи с вышестоящим начальством, с бригадой. А УКВ – для связи внутри роты, батальона. Для переговоров внутри танка использовалось ТПУ – танковое переговорное устройство. Прекрасно работало! Но как только подбивали танк, у танкиста первое движение было сбросить шлемофон и ларингофон, а то если забудешь и начнешь выпрыгивать из танка, то повесишься.

Федюнин Иван Васильевич

Я жил в Туле, учился в электротехническом техникуме, был учеником электрика, потом стал электриком. Когда началась война, мне было 17 лет, я работал на патронном заводе. В октябре месяце, когда немец подходил к Туле, завод начали эвакуировать. Мы вместе с отцом и дядей погрузились в предпоследний эшелон. На станции Узловой эшелон разбомбили. Были жертвы. Отец и дядя решились податься на свою родину. В Тульской области жила бабушка, мы пошли туда. Шли пешком четверо суток. По дороге я в первый раз своими глазами увидел немцев – шла колонна немецких машин, а в них вместе с немцами сидели наши солдаты. Мы поразились! Видимо, немцы ощущали себя победителями и на тех солдат, которые выходили из окружения, из Рязанской области и других мест, не обращали внимания. Они даже ехали вместе с немцами к себе домой.

Когда мы пришли в Ефремовский район, уже приближался фронт. Раскаты артиллерийские слышались. В селе, где жила бабушка, размещалась 137-я стрелковая дивизия. Я видел своими глазами генерала Крейзера, Героя Советского Союза.

С запада гнали скот, чтобы врагу не достался. Кормить его было нечем, и по полям бродили лошади, коровы, овцы. Вот мы завели себе и корову, и овец. Я лошадь заимел. В нашем

районе военкомата уже не было, и когда немцы стали подходить, все мужики призывного возраста подались куда-то в другой район в Рязанскую или Липецкую область, за Дон. Патриоты были – Родину защищать. Ушел и мой отец.

Затем район был занят немцами. Войска ушли, но осталась полиция.

В конце ноября вечером пришел наш советский офицер и говорит:

– Мамаш, сыночек у тебя есть?

– Есть.

– Где он?

– Да вон, на печке лежит.

– Ну-ка, вставай! Ой, какой взрослый. Ты, может быть, знаешь, как дойти до такого-то населенного пункта?

– Конечно, знаю, я ходил пешком туда.

– К тебе придут ребята, ты их проводишь.

Ночью, часов в 11 постучались. Я оделся, вышел. Пять человек воинов.

– Проведи нас в поселок Мирный.

Дороги все снегом занесены. Да и вообще, там только проселочные дороги. Движения никакого. Фронт рядом. Я довел их до этого поселка. Подошли к крайнему дому, иди, говорят, стучись. Постучался. Вышел дядя Ваня: «Немцы есть?» – «Нет». Бойцы мне дали за службу две гранаты, и я пошел обратно. Целина. Смотрю, провода торчат. Кабель! Хороший провод, отрезал один конец. Иду, наматываю на

руку – для хозяйства. Метров 100, наверное, намотал. Я же не соображал что делаю! Возможно, нарушил связь с передовыми подразделениями. Если бы меня на месте прихватили, то расстреляли бы с ходу как злоумышленника.

Это был первый случай, когда я соприкоснулся с воинами. Второй случай был уже в декабре, когда началось наше наступление. Пошли наши войска. Шли пешком. Сибиряки в валенках, с лыжами. Часа в 2 ночи постучались. Мать вышла.

– Мужики есть?

– Нет.

Зашли с фонариками. Меня увидели.

– Вставай. До деревни Редьки доведешь нас?

– Доведу.

В январе 1942 года уже войска прошли, районное руководство вернулось из эвакуации. И нас вызвали в военкомат. 23, 24-й годы рождения, которых еще не взяли или вернулись из окружения. Из военкомата привезли в облвоенкомат в Тулу. Человек пятьдесят нас. Человек двадцать – 23-го года, человек тридцать – 24-го года. В военкомате говорят: «23-й остается, а вы домой». Отпустили. А уже 12 февраля опять призвали. Создавался запасной стрелковый полк 3-й армии. Нас приписали в этот полк. Привезли нас из военкомата. Распределили по отделениям. Сказали, кто командир взвода. Поселили в барак, вместе с местными жителями. Я был командиром отделения. Со мной было еще шесть пар-

ней из нашего села. Занятий никаких. 1 марта нас повели в поле, подбирать трофеи. Пришли мы туда: немцы лежат убитые, оружие брошенное – бой был удачным. Вдруг прибегает связной. Команда: всех на построение. Нас быстро собрали в расположении полка, у штаба, в центре города. Смотрим, стоит строй одетых солдат. Нас тоже строят. Команда человек пятьдесят.

– *Вы еще были в гражданке?*

– Да. Нас не одевали, ни присяги, ничего, даже винтовки в руках не держали. Правда, когда я работал на заводе, у нас после начала войны проводились занятия по самообороне, изучали приемы штыкового боя: «Длинным колю, коротким колю». Устройство винтовки рассказывали.

Нас построили по ранжиру. Отсчитывают тридцать человек, кто ростом повыше. Тех, кто пониже, – назад, а остальных на склад – одевать. Оказывается, в той команде, которая построилась, человек 600–800 (проще говоря, целый эшелон воинов), не хватало 30 человек. Нами, кто ростом повыше, пополнили. Прибежали быстро одеваться. Гимнастерок не хватило, шинелей нет. Короче говоря, обмотки, теплые штаны, теплое белье и плащ-накидка. Шапка, конечно. Ремень белый тесемочный и подсумок. Оружия не досталось. Быстро в строй, в хвост этого построения. Впереди оркестр. На железнодорожной станции уже стояла платформа. Загрузили. Вот так 12 марта я попал в 287-ю стрелковую дивизию

3-й армии.

– *Вы были пехотинцем?*

– Да. Сразу в пехоту. Сказали, 686-й полк, 3-й батальон, какая-то рота. Это было под Мценском. Река Зуша протекает. Фронт стабилизировался, на одном берегу реки немцы, на другом мы. Все сковано льдом. Через два дня будем наступать.

– *Оружие дали?*

– Нет, винтовок не было. Старшина был боевой, кадровый, сказал, кого убьют, у того взять оружие. Таких безоружных в роте трое было. Рота человек 25. Не по штату. Одним словом, время назначили. Говорят, артподготовка будет. Где-то там пушки постреляли. Ракета красная. Вперед! Мы встали. Немцы ударили из пулеметов и минометов. Мы залегли и стали отползать назад в те окопчики, в которых сидели, в снегу фактически. Мне посчастливилось: ранило в голову, попал осколочек.

– *Вы говорите март, а снег лежал?*

– Да. По пояс. Начал таять с 1 апреля. Зима 1942 года была очень суровой.

В медсанбате я подлечился. После медсанбата уже дивизия распределяла. Узнали, что я работал электриком на патронном заводе, учился на 3-м курсе электротехнического

техникума: «О! Связист хороший». Меня отправили в артиллерию, телефонистом. Я весь 42-й год и до августа 43-го был дивизионным телефонистом на наблюдательном пункте командира дивизиона, он с наблюдательного пункта управляет батареями. Я сидел на коммутаторе. У меня было два товарища.

– *Коммутаторы наши?*

– Да. Простенькие такие. УНА-Ф. Коробка деревянная. По центру соединить или влево, вправо. Когда провод перебьют, бежим. Я был самым младшим. Один с 22-го года был, Ходрашин Коля, одессит. Потом еще один одессит, Шмуклер Зося. Ребята они грамотные. Да и я тоже не промах.

Участвовали в Курской битве. Нашу дивизию перебросили немного южнее, из-под Мценска под Новосиль. Мы участвовали в артиллерийских подготовках. Там служба совсем другая.

В 1943 году в августе месяце меня направили в училище, 2-е Ростовское артиллерийское училище самоходной артиллерии. Изначально это было училище противотанковой артиллерии, и на его базе стали создавать самоходное училище. Эвакуировано оно было в Пермь. В ноябре я стал младшим лейтенантом, командиром самоходки.

Мы учились по 12 часов. Изучали технику, двигатель, матчасть. Изучали стрельбу – еще по-артиллерийски, с панорамой, подготовку данных. Артиллерии больше было. У нас

было три дивизиона: СУ-76, СУ-85, СУ-152. Я попал в дивизион СУ-76. Занятия. Машины. Прыгали, бегали, но не стреляли. Если в мирное время приспособливали винтовочные стволы – нацеливаешь орудие, а выстрел винтовочный, то в училище даже этого ничего не было. В основном теория. Марксизм-ленинизм. Подготовка к стрельбе. В выходной день на Каму, лес ловить на сплаве. Выходных не было.

– Училище было на самообеспечении?

– Да нет, это, видно, была помощь. Два воскресенья были на Мотовилихе, там артиллерийский завод. Загружали боеприпасы – рабочих не хватало.

В конце ноября, приблизительно 27-го числа, курс закончили. Построили выпускные роты, или батареи назывались. Три батареи. СУ-76, СУ-85, СУ-152. Объявили приказ командующего Уральского округа № 021 от 22 ноября 1943 года и направили из Перми в Киров, на завод по производству СУ-76. Там был 32-й учебный танковый полк. Там нас разместили. В январе мы уже получили машины. Помню, гоняли одну машину назад на завод. Трещины на броне заваривали – производство было такое. Но, одним словом, получили технику на роту, и в эшелон... И покатали. Зеленая улица. Остановки только для того, чтобы поменять паровозы. И что вы думаете? Прикатали в Подмосковье, в Пушкино. Здесь был учебный центр бронетанковых войск. Штаб располагался в Москве, на улице сейчас Рыбалко, дом 1. Там есть ме-

мориальная доска, как раз угол Алабяна и Рыбалко. Сколько-то там пробыли. Техника стояла, мы балдели. Оказывается, наш 370-й гвардейский самоходный артиллерийский полк включили в состав 98-й воздушной десантной дивизии. Там формировался 37-й воздушно-десантный корпус, этим корпусом командовал Кулик, бывший маршал. Три воздушно-десантные дивизии: 98-я, 99-я и 100-я. В каждой дивизии по самоходному артиллерийскому полку. Все три полка – 370-й, 371-й, 372-й – гвардейские. Мы там кантовались до июня месяца. Потом в эшелон – и на Карельский фронт.

– *В наступление?*

– Да. Где-то в районе Лодейного поля, станция Аять, не доезжая до Лодейного поля, нас разгрузили. Фронт проходил по реке Свирь. Когда мы вели самоходки, нас постоянно спрашивали: «А какой это танк?» Ребята, которые там с 1941 года, даже танков не видели. Река Свирь широкая, метров 200–300. Получили задачу – подготовить капониры. Скоро в наступление. Буквально ночью встали метрах в пятидесяти от уреза воды. Капонир на каждую самоходку. Командиром батареи у меня был старший лейтенант Ряшенцев, из политработников, когда-то он был председателем колхоза, потом в армии политруком роты, когда переходили с комиссаров на политработников, многие низшие звенья стали строевыми командирами. Вот такой строевой командир. Командир батареи. Насчет образования не знаю, но, как ему было необ-

ходимо составлять расписания, он меня заставлял, я был самым грамотным. В ночь с 21 на 22 июля вывели самоходки на огневые позиции. 22 июля началась артподготовка. 3 часа! Мы были на прямой наводке. И нашей задачей было, когда после артиллерийской подготовки начнется форсирование, подавлять огневые точки, которые там оживут.

– Вы в самой артиллерийской подготовке не участвовали?

– Нет. Нас использовали как танк. Артподготовка прошла, началось форсирование. Мы несколько выстрелов сделали. Когда захватили плацдарм, понтоны подошли. Очень быстро сработали, часа за два, не больше. Первая самоходка моя. Переправились на ту сторону. Пока я выкатился, вторая подходит. Подъезжает зам командира полка: «Что ты здесь стоишь? Где командир?» – «Он еще сзади, с двумя самоходками». Мать через мать. «Вперед давай! Там залегли десантники!» По всей вероятности, там была еще одна полоса обороны, километра через три-четыре. «Вперед! Командуй!» Я замкомандира, командую.

Лесной массив. Мы выходим на опушку, подбегает десантник: «Вот там, видите, противотанковый ров, за ним окоп. Мы залегли, финны не дают возможности подняться». Я даю команду развернуться. И мы по 20 снарядов закатали. Проходит время, десантники поднялись, пошли. Один населенный пункт прошли, второй, километров через пятна-

дцать остановились. Вторая полоса обороны. Оборонительный пункт Карельский. Его везде описывают. Укрепленный пункт был, солидный. Вместе с нами к этому укрепленному пункту откуда-то подошли три танка Т-34. Приехал командир батареи. Мы стоим. Один танк пошел в разведку. Там двухэтажные дома, из-за одного из них мы наблюдаем. Тут бах! Танк на mine подорвался. И тут слышим, с нашей стороны заиграли «катюши»! Нас накрыли. Мины рвутся. Черт!

Видно, они переправились и закатили с берега. А там уже мы были, и в том числе десантники. Десантников много погибло. У нас погибших не было. Вечером узнали, что экипаж того танка жив остался. Они прибежали. Рассказали: так и так. Оказывается, назад стали сдавать с дороги и задней частью на мину наехали, ленивец сорвало, гусеницы, но экипаж жив.

Мы – два танка, три самоходки (две остались с командиром) рванули в этот укрепленный пункт, впереди танки, мы за ними. Ворвались в село. Это был июль, ночи почти нет. Все видно. Три раза финны пытались контратаковать. Мы их как цыплят. С этих двух танков их тоже из пулемета крошили. Много финнов побили. Часам к семи утра появился командир батареи с двумя самоходками, вышел, отошел от дома, и тут разорвался снаряд, его ранило в живот. Его на самоходку – и назад. Мы, собственно говоря, продержались ночь и до середины дня. У меня на самоходках осталось по два снаряда. Смотрим, идут другие наши батареи.

Командир полка подъехал, говорит мне: «Ты будешь во втором эшелоне. Первым пойдет батарея лейтенанта Романова. А вы за ней». Движение там только по дорогам. Не так, как на Руси, по полю, где хочешь, по проселкам, там так невозможно – лес сплошной. Первая самоходка только стала на дорогу выезжать и взлетела, подняло на уровень кроны деревьев. Погиб ротный командир, Романов Федя. Погиб механик. А заряжающий и наводчик вылетели, их волной выбросило. Самоходка сгорела.

– *Мина?*

– Мощный фугас. Там был настил деревянный, а под ним фугас. Я потом останавливался. Федя весь сгорел. Остался один скелет. Самоходка СУ-76 была на Б-70 (авиационный бензин). Поэтому ее звали БМ-4А – братская могила 4 артиллеристов. Мы продвинулись, какое-то время шли. Третий укрепленный район – Самботукс. Это километрах в тридцати от Свири. Надолбы, танки стоят. Площадь большая, открытая, а этот населенный пункт на высоте. Самоходки ИСУ-152 стоят. Мы на своих «жу-жу» СУ-76-х примерно метров сто не дошли до этих надолбов. Остановились, связались с танкистами, что делать? Я пополнился боеприпасами. У нас было 45 снарядов. Боекомплект: 5 кумулятивных снарядов, 5 подкалиберных и 35 осколочных...

– *Панорама была, чтобы с закрытых позиций стре-*

лять?

– Да. Все было. В одном бою снайпер попал. Панорама выходила за пределы самоходки и вся разлетелась. Хорошо была запасная на каждой самоходке.

Короче говоря, мы постреляли. Затишье. Авиация. Штурмовики прилетели. До вечера мы проторчали. При этом интересно: финны стреляли по нас сверху – мы стояли в низине – болванки так, «шу-у» над головой летят, но, видно, угол склонения пушки не давал возможности опустить ствол, чтобы попасть. Ни одного танка, ни одной самоходки они не подбили, несмотря на то что стрельба из противотанковой артиллерии была сильной. Штурмовики их расколотили.

Вечером, часов в десять, наши войска пошли. Я уже командир батареи. У меня пять самоходов. Мы пошли. Обошли эту гору. Вышли на дорогу, в лес. И встречаем командира десантного полка: «Наши десантники уже впереди, что вы здесь топчетесь. Давайте быстро! Там колонна финнов идет, если вы догоните и разобьете эту колонну, получите орден Красного Знамени». Я командую: «Вперед!» Километров пять-семь проскочили. Опушка леса, никого нет, не догнал. Смотрю, вдалеке снуют финны у орудий.

Мы начали их расстреливать. И что вы думаете? У меня там две самоходки спалили. В одной экипаж погиб. Я остался с тремя самоходками.

Там мы даже встретили станковый и противотанковый гранатомет. Уже в 1944-м году. Видно, немецкий. У меня

как раз тогда снайпер снес панораму. Он сидел на крыше. Близко. Этот дом мы, конечно, сожгли. Финны драпанули, естественно. Расстреляли мы все боеприпасы. Горючее почти закончилось. Я сообщил. Через некоторое время приехала боезаправка. Заправились. Поехали дальше.

Почти до Сартоваллы мы наступали вдоль дороги. С неделю наступали. Особого сопротивления не встречали. Видно, против лома нет приема. У них танков не было, а противотанковую артиллерию только на открытой местности можно развернуть. В лесу отдельные «кукушки».

Остановили нас. Стоим, ждем день, второй, третий. Во втором эшелоне. Что финны сделали?! Все деревья спилили, оставив пни выше клиренса танка. Мы один раз попытались, но не смогли вперед стронуться. Дорога вся заминирована. Два танка подорвались, ИСУ-152 подорвалась.

Видно, в тот момент начались переговоры о выходе финнов из войны. Мы получили приказ в эшелон, и тремя самоходками в Псков. Десантники откололись. Мы стали отдельным полком. За форсирование Свири я получил орден Красной Звезды.

В Псков прибыли, разгрузились. И пошли в наступление в сторону Риги. Там я попал, мою самоходку подбили, и она сгорела. В заднюю часть попали, в ленивец, видно, из противотанкового орудия. Мы все выскочили, и через некоторое время она запылала. Короче, самоходку потерял, в Ригу пришел двумя самоходками.

– *Вам во Пскове не дали самоходок?*

– Нет. Только в Риге. Там уже шло наступление, наращивали, усиливали. В Риге мы два или три дня пробыли. Навели переправу понтонно-мостовую через Даугаву. На левый берег. Курляндскую группировку добивали. Там я закончил эпопею. Меня уже после Риги в штаб разведки взяли. Это громко звучит, в общем, оказался при штабе. К тому моменту наш полк уже именовался 370-й Рижский (за взятие Риги) ордена Красной Звезды Гвардейский самоходно-артиллерийский полк. В феврале месяце нас отправили на формирование в Белоруссию. Был такой Белорусско-Литовский танковый военный лагерь. Приехали в Белоруссию. В землянках там разместились. Получили всю технику. Я уже был штабным офицером. Когда закончилась война, мы были в Осиповичах. Вот и все! Особо героических подвигов не совершал.

– *Основная цель— пехота или бронированные объекты?*

– В бою бронированные объекты более интересные. По пехоте автоматная очередь, пулеметная очередь. Например, мы в лесу, со всех сторон автоматические очереди по броне: дзинь-дзинь-дзинь. Десантники под самоходку, в самоходку забились. Мы стоим хоть бы что. Несколько выстрелов сделали – и тишина. Как с пехотой бороться, особенно с «кукуш-

ками». Они на деревья залезали. Только до куста добрался, все, его уже нет. А там сплошные лесные массивы. Воевать финны умели. В Прибалтике, когда 2-й Белорусский фронт уже отрезал немецкую группировку, это октябрь месяц был, немцы плавный отход осуществляли. Арьергард днем наступает, к вечеру занимает оборону. Пока мы разбираемся, что к чему, когда начинаем, уже докладывают: «Немцев нет». Километров 20–30 продвинулись. Опять арьергард. Опять постреляли. Опять остановились. Вот такое было явление. Вдоль Рижского шоссе, правда, можно было сделать маневр, обойти...

– *С закрытой позиции приходилось стрелять?*

– Нет. Только с открытой, прямой наводкой. Использовали как танк. На стрелковую дивизию давали одну батарею. Я командир батареи, при дивизии. Дадут направление, и ты тянешь. Впереди пехоты. Действовали как танк.

– *С немецкими танками сталкиваться приходилось?*

– Нет. По бронетранспортерам несколько раз стрелял. Когда в контратаку шли, там две танкетки финские. С первого выстрела – пушка очень хорошая. И в Прибалтике тоже. Бронетранспортеры пошли, с какой целью не знаю, но попали нам под прицел. Подожгли их.

– *Трофеи были?*

– Нет.

– *Шоколад?*

– Нет. Единственное, когда по территории Карелии шли, населения не было, в дом зайдешь, можно что-то взять. Валяная рыба висит, сушится. Это прихватывали. Двух пленных взяли с вещмешками. Солдат потрясли, нашли сахарин. Шоколада не было. Какие-то шмотки. Шмотки не нужны были.

В Прибалтике тоже население скрывалось. Общения с населением не было. Единственное, были случаи, когда скот оставался. В хутор заскочили, населения нет, куры, гуси бегают, в хлеву баран кричит, овцы. Были случаи, для общего котла резали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.